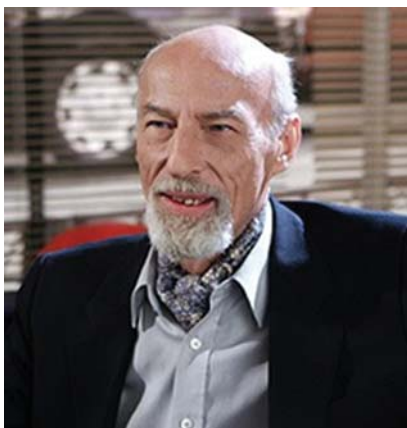

ПРИРОДА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО БОЛЬШИНСТВА

Вячеслав Глазычев

Вячеслав Глазычев — генеральный директор издательства «Европа», член Общественной палаты РФ

Безотносительно к ходу событий в стране и мире до настоящего времени рейтинг доверия к ВВП слегка колеблется вокруг семидесяти процентов, и это при том, что рейтинг правительства, возглавляемого Путиным, не достигает и трети от этой величины. Так что же скрыто за этим очевидным парадоксом и насколько справедливо мнение о наличии «путинского консенсуса»?

Наличие пропутинского большинства несомненно, а вот ответ на вопрос о его природе далек от простоты. Поиск ответа осложняется еще и тем, что, несмотря на несомненную активность президента Медведева, несмотря на вынужденно сильный его старт во время грузино-осетинского конфликта, его близкий к путинскому рейтинг остается, судя по всему, прежде всего выражением доверия к выбору, сделанному Путиным. Тем самым опять-таки выражением доверия к Путину. Для рационально мыслящего наблюдателя **такое состояние умов почти трех четвертей российских граждан кажется абсурдом, но в сфере рационального феномен Пу-**

тина имеет лишь косвенное отношение.

Коль скоро семьдесят процентов — это далеко не сто, важно понять, из кого состоит значительное меньшинство, откровенно или невнятно противостоящее большинству. В эту группу входит та часть электората Коммунистической партии, которая видит в Путине продолжателя линии Ельцина и тем самым воплощение политики поддержки олигархата, немало не потерпевшего при утрате одного из его представителей — Ходорковского. Это, несомненно, не весь коммунистический электорат. Среди коммунистов немало тех, кто — при всех издержках — поддерживает идею сильного государства, признавая за Путиным роль выразителя имперской траектории российской государственности. К этой группе, судя по интернет-сайтам ультранационалистических организаций и блогеров, следует отнести крайних «патриотов», которые не могут простить Путину терпимости к «инородцам». С другой стороны, несмотря на формальную поддержку, предъявляемую на выборах, значительны антипутинские настроения в регионах с влиянием ислама и окрашенного исламом национализма.

Едва ли не основной массив оппозиции составляет маргина-

ца, так и диссидентского по духу происхождения.

Для первых в Путине воплощена власть, лишившая их не только солидной (в советском измерении) финансовой достаточности, но и чувства собственного достоинства в связи с утратой социального статуса. Для вторых — власть, подавившая в зародыше мечтания о демократии и свергнувшая страну в «новый застой брежневского образца». По разным основаниям в ту же группу следует зачислить и существенную долю представителей малого и среднего бизнеса, разочарованных засильем бюрократии всех уровней и разрывом между декларациями федерального руководства в их поддержку и практикой, равно как истовых либералов, негодующих по поводу сращивания интересов бюрократии и монополий. Очевидным выразителем протестных настроений выступают и аудитории постоянных ведущих на радиостанции «Эхо Москвы» и РЕН-ТВ. Необходимо отметить, что свобода интернета исполняет важную функцию своего рода компресса, оттягивающего энергию недовольства и растворяющего ее в бесплодной пикировке. К сожалению, отсутствие специализированных социологических исследований не позволяет оценить масштаб и динамику антипутинских настрое-

При формальном отказе от идеологии страной оказалась востребована охранительная идеология, лозунгом которой является призыв: «Больше никаких революций!»

лизованный в экономическом смысле слой людей, не имеющих ясных политических предпочтений, но страдающих от ощущения заброшенности и утраты шансов на достойную жизнь, а также деклассированные интеллигенты — как советского образ-

ний в молодежной среде. Однако недавняя еще высокая активность пропутинского крыла молодежи не блокирует предположения, что **кризис и связанный с ним крах упований на быстрое обретение статуса и связанного с ним достатка вызовет перетекание цен-**

тра тяжести оппозиции от старшего возраста к младшей возрастной группе. Поскольку отток молодежи из села и малых городов продолжается, есть основания полагать, что ядро протестных настроений смещается в крупные города, и частичная неудача «Единой России» в ряде таких городов, как кажется, подтверждает этот тренд. В то же время протестные настроения существенной части рабочих, которым не повезло оказаться в рядах энергетиков, нефтяников или газовиков, до сих пор не выходят за рамки надежды на высшую власть. Это недавно было лишним раз подтверждено в начале июня в городке Пикалево, когда в ответ на локальный протест против невыносимой ситуации, в которой оказались жители, оставшиеся без работы и без тепла, Путин под телевизионную камеру устроил разнос всем участникам конфликта и буквально «пережал» ситуацию.

Примерно тридцать процентов граждан России, по данным опросов, отторгающих Путина как «воплощение Зла», — это немало. Это еще раз заставляет задуматься над тем, в чем же природа устойчивости пропутинского большинства, которое далеко от однородности. Вряд ли можно усомниться в том, что **основное ядро этой массы людей составляют те, кто далек от какой бы то ни было рефлексии и, единожды уверовав в лидера нации в тот момент, когда Россия страхнула многолетнее унижение в Чечне, по сей день остается тверд в этой вере.** *Horror vacui* — ужас перед пустотой — вот, вернее всего, сущностная подоплека устойчивости этой веры.

Избранный президентом Путин, погасив чеченский мятеж, по видимости, замечательным образом упростил ситуацию управления в стране. Почтительность к демонстративной твердости Путина, не уступающего давлению общественного мнения, действительно изумляет. Достаточно напомнить феномен министра Зурабова, на котором сосредоточилась подлинная ненависть экспертов от медицины, обозревателей и соответственно абсо-

лютного большинства российского общества. Вопреки хору тех, кто единодушно требовал убрать Зурабова, Путин, вообще весьма чувствительный к настроениям масс, выраженным через социологические опросы, оставался глух к их призывам. Разумеется, для активной оппозиции имя Зурабова явно выступало заместителем имени президента, однако в глазах большинства населения Путин к Зурабову отношения не имел.

Непредсказуемость — неременный признак харизматического лидера, и в этом смысле Путин вполне соответствует ожиданиям публики. Так, после «Гражданского форума» 2000 года, на котором прозвучала идея создания Общественной палаты как внепарламентской формы представительства неправительственных организаций, идея, как казалось, умерла, однако в 2005 году она возродилась. Более того, не в форме указа, как в свое время институт полномочных представителей, а в формате закона была создана первая в России, законная в полном смысле слова, независимая экспертная площадка. Безусловное недоумение, например, вызывало долготерпение Путина в отношении его бывшего советника по экономическим вопросам Илларионова, который по меньшей мере полгода публично выражал резкое несогласие с его политикой, но в отставку не уходил. **Большая часть аналитиков и обозревателей до последнего момента сомневались сначала в том, что Путин откажется от попыток навязать ему продление полномочий, затем в том, что он рискнет возглавить правительство после избрания Медведева президентом и т.д.**

Путин-президент идеально ответил функциональному месту лидера нации, так что догрузка в виде номинирования его лидером партии «Единая Россия», безусловно работая на доверие к этой партии, ничего не добавила Путину-премьеру. При сохранении экономической конъюнктуры идея «рокировки» в тандеме «Медведев — Путин» несла на себе ключевой лозунг: «Стабиль-

ность и рост». Сколько бы стрел ни пускали в этот проект, он был востребован обществом, принят большинством и заработал. **При формальном отказе от идеологии страной оказалась востребована охранительная идеология, лозунг которой — «Больше никаких революций!».**

Для лучшего понимания природы пропутинского большинства необходимо принять во внимание унаследованную от социалистической эпохи атомарность российского населения, ранее маскировавшуюся официальным коллективизмом, огромную нервную утомленность людей, накопившуюся за 1990-е годы. Знаменательным индикатором именно такого положения дел стал казус протеста студентов факультета социологии МГУ против низкого качества преподавания и администрирования — студенты других факультетов университета, не говоря уже о студенчестве других учебных заведений, «не заметили» попытки своих коллег изменить положение дел.

Финансовый кризис поставил ключевой лозунг под вопрос, расщепив идею стабильности на два слабо связанных между собой слоя.

Политическая стабильность подтверждена парламентскими выборами, в результате которых «ЕР» закрепила свою доминирующую позицию, тогда как от экономической стабильности не осталось и следа. Тот факт, что Россия отнюдь не одинока перед трудностями, ничего не меняет по существу: концепция стабильности более не отвечает реалиям. ■